

С.П. Щавелёв

**«НА БОГА НАДЕЖДА ДА НА ВАШУ СИЛУ»: МЕДИЦИНСКАЯ
СЕМАНТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК**

Курский государственный медицинский университет

Резюме. В статье представлен новый для историков российской медицины и исключительно яркий источник для реконструкции медико-фармацевтических представлений и практик восточных славян накануне и во время существования Древнерусского государства (IX–XIV вв.). Особое внимание уделено выборке медицинской лексики из берестяных грамот — уникального источника знаний о жизни и быте Древней Руси. Собранный материал украсит курс истории медицины для будущих врачей и провизоров.

Ключевые слова: история медицины, археология, рукописи на коре березы (бересте), народная медицина восточных славян в период Древней Руси.

Небольшое, но утешение,
Археология — воскрешение.
С годами вещи
Приобретают голос вещей.
В.Д. Берестов.

История мировой и отечественной медицины писалась и до сих пор пишется (как в научно-исследовательском, так и в учебном жанрах) почти исключительно на материале письменных источников, причем в основном печатных, в гораздо меньшей степени архивных. В еще меньшей для реконструкции этапов и форм врачевания донаучного, народно-традиционного и альтернативного, привлекаются данные этнологии (этнографии) — о так называемой «живой старине» в быту и фольклоре отдельных народов. И почти вовсе не используются вещественные находки археологов — вещи, вообще артефакты из раскопок древних поселений, могил, кладов. Между тем в громадном фонде вещественных источников такого рода содержатся и те, которые могут и должны пролить фактический свет на ранние этапы становления медицинских знаний. Попробуем показать это на примере славяно-русской археологии.

Археологические находки медико-фармацевтических типов. И так, кое-что о древней медицине и фармации восточных славян и их соседей может поведать археология — «история, вооружённая лопатой» (А.В. Арциховский). Понятное дело, что извлечённые из культурного слоя былых времён вещи — всего лишь отдельные разрозненные и молчаливые штрихи прошлой жизни. По этим крупичкам трудно сказать о ней что-то наверняка, в целом. Но в некоторых случаях археологические артефакты весьма выразительны, порой они как-то соотносятся с известиями письменных источников, и тогда их информативность взаимно возрастает.

Наличие специалистов-знахарей по археологическим данным не устанавливается. Зато раскопки подтверждают известный по этнографическим данным факт приобщения к врачевным делам такой категории ремесленников, как кузнецы, в том числе оружейники, ювелиры. Их труд издавна считался чем-то колдовским, связанным с духами. Это поверье ярко иллюстрируется репертуаром их изделий. Наряду с орудиями труда (ножами, топорами, сошниками и т.д.), оружием и

украшениями обычных типов они изготавливали различные амулеты, которые могли использоваться как обереги от болезней, несчастных случаев. Среди такого рода талисманов преобладают миниатюрные копии тех или иных предметов, орудий: маленькие ложечки, ключики, ножики, топорики, гребешки, ковшки, также небольшие изображения зверей, птиц и рыб — символика большинства из них прозрачна. Магическую роль должен был играть орнамент на многих ювелирных изделиях (перстнях, браслетах, подвесках, серьгах) — геометрический либо растительный, либо изображающий фигурки зверей, птиц, людей и т.д. С распространением христианства в X–XII вв. роль амулетов начинают играть соответствующие подвески — нательные крестики разных типов, иконки-образки Богородицы и православных святых.

Какое-то время языческие и христианские символы в магической практике восточных славян сочетались друг с другом. Вот материальные образцы такого рода «двоеверия»:

- так называемые (археологами) «крестовключённые лунницы» (где старый символ полумесяца объединён с отличительным для новой веры изображением креста);

- амулеты-змеевики (где с одной стороны изображён тот или иной христианский святой, а с другой — голова Медузы Горгоны с пучком змей вместо причёски. Этот символ пришёл на Русь из Византии, а там представлял собой реплику античных «профилактик» — оберегов от болезней и прочих напастей. Этнографы предполагают, что количество змей на этих изображениях (обычно 12) соответствует числу «лихорадок» согласно народным суевериям.

Сохранившиеся на змеевиках надписи, а также медицинского рода граффити на иных предметах, включая известные берестяные грамоты, отсылают к заболеваниям лихорадочного состояния (вроде малярии, тифа, чумы, оспы). Должно быть, именно эти нозологии чаще других болезней поражали взрослое население эпохи Средневековья. Ведь средний возраст жизни тогда оставался почти вдове меньше современного. Соответственно, старики были относительной редкостью, и типичные для зрелого и особенно преклонного возраста нозологии оставались в явном меньшинстве.

Кроме символических средств народной медицины, археологам достаются и явно медицинские инструменты:

- ножи миниатюрного размера,
- пинцеты (похожие на нынешние) могли использоваться как в косметологической, так и в хирургической практиках (удалять занозы, наконечник стрел из ран и т.п.);
- специально хирургические ланцеты — предшественники современных скальпелей и т.п. инструментов оперативной медицины;
- копоушки — своего рода ложечки для удаления серы из ушей.

• цельнометаллические ножи с волютообразным навершием (Минасян Р.С. Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. II. Сб. статей в память проф. М.И. Артамонова. Л.: 1978. С. 148-152) рукоятки пока не нашли однозначной интерпретации; предполагается их жреческая, обрядовая функция (для совершения жертвоприношений); но не исключено и медицинское использование, в том числе в ветеринарии.

После того, как под влиянием христианства славяне перестали сжигать своих покойников и постепенно, за два-три-четыре века перешли к обряду труположения, по некоторым из сохранившихся в курганах скелетов антропологи могут поставить окончательный диагноз: залеченные при жизни травмы, раны; некоторые хронические заболевания (вроде артрита), или же причины смерти (проломленные или порубленные кости, застрявшие в них наконечники стрел и т.п.). Такого рода исследования активно выполняются в последние десятилетия, в том числе и российскими антропологами (Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., 1965. 305 с.; Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972. 156 с.; Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005. 320 с.).

Болезни и лекари в берестяных грамотах Древней Руси. Уникальным источником знаний о жизни и быте в Древней Руси стали берестяные грамоты, сравнительно недавно, в 1951 г., обнаруженные при раскопках Великого Новгорода (с тех пор и по 2010 г. там обнаружено уже более тысячи таких документов), а затем и ещё в нескольких русских городах домонгольского возраста: Старой Руссе (41), Торжке (19), Смоленске (15), Пскове (8), Москве (3). Число этих находок неуклонно растёт с каждым полевым сезоном.

Там везде почва, затопленная водой, которую удерживают пласты глины, сохраняет попавшие в неё предметы из органических материалов — дерева, кожи и т.п. Сенсацией стали находки множества документов, выцарапанных писалом на коре березы. Кожаный пергамент был дорог и шёл только на официальные книги — богослужебные, летописные, философские. А между собой новгородцы и их соседи переписывались, оказалось, с помощью более дешёвого и доступного материала — берёзовой коры. К настоящему времени археологи обнаружили больше тысячи писем на бересте. Они, конечно, очень разные — по размеру, содержанию, степени сохранности и разборчивости текстов. Преобладают берестяные документы делового содержания — денежные счета, торгово-купеческие сделки, хозяйственные поручения и т.п. Недаром самая первая грамота, обнаруженная рабочей Ниной Акуловой 26 июля

1951 г., — берестяная записка в 13 строк содержала перечень крестьянских повинностей. Кроме того, есть и донесения разведчиков, и языческие заклинания, и православные молитвы, и ученические упражнения, и завещания, и даже любовные записки.

Уникальность берестяных грамот как исторического источника состоит в том, что они в основном отразили не парадные, официальные, а бытовые, повседневные моменты жизни членов средневекового русского социума — и богатых, и бедных, и

мирян, и священников, и мужчин, и женщин, и детей, жителей других русских городов и иностранцев. Поэтому и медицинская сторона древнерусской культуры не могла не приоткрыться при чтении этой удивительной библиотеки.

Следуя «Словоуказателю» из фундаментального издания А.А. Зализняка и соответствующего Интернет-ресурса, включающего в себя всё новые и новые находки таких грамот [Древнерусские берестяные грамоты // gramota.ru] выделим те моменты берестяной библиотеки, что прямо или косвенно относятся к здравоохранению и лечению болезней.

В качестве заголовка данного раздела использован текст со сравнительно поздней, начала (примерно 20-х годов) XV в. грамоты № 304 (по принятому археологами счету), сохранившейся очень фрагментарно. В ней использована стандартная, как видно, формула древнерусского языка: «...В бозе гадка да в вашем здоровье» [Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995 – 2003 гг. М., 2004. С. 685]. Что переводится на современный русский язык так: «На Бога надежда да на вашу силу» (то есть «на вас»). Что-то вроде парафразы известной русской пословицы: «На бога надейся, а сам не плошай». Понятие здоровья здесь использовано синонимично общей дееспособности, силе духа и тела человека. Встречается даже такой топоним — «деревня Здоровье» (Зализняк А.А., с. 548).

Слово «здоровье» встречается в нескольких грамотах — в составе этикетных формул письменной речи («благополучный», «живой-здоровый»). В одних ситуациях автор письма успокаивал адресата на свой счет: «А мы с Григорием в Ярославле добре здоровы (живы-здоровы)»

(№ 69 за конец XIII в.) (Зализняк А.А., с. 513). В других случаях пожелание здоровья завершало послание: «Здоров (будь)» (№ 892 за 10-е – 30-е гг. XII в.) (Зализняк А.А., с. 269). Примерно та же формула использовалась для одобрительной характеристики не только отдельного человека, но и его жизненной ситуации в целом: «А всё остальное в порядке (дословно: Добро здорово)» (№ 122 за начало XV в.) (Зализняк А.А., с. 644). Или же: «А у нас (а дома) всё в порядке» (дословно: мы здоровы; дома здорово)» (№ 286 за первую половину XVI в.) (Зализняк А.А., с. 85).

То же самое выражение — «здоровье» использовалось авторами берестяных посланий и в ещё более широком, уже не собственно медицинском значении — «благополучия», «успешности», «силы». Так, маленькая грамота № 104 (70-е – 80-е гг. XIV в.) сохранила такую формулу: «...А земля сама себя окупит твоим здоровьем» (Зализняк А.А., с. 713) (т.е. «благодаря твоей силе, успешности, благосостоянию», — поясняют переводчики, или же «вашей удачливости, фартовости», добавим мы). Медицинское значение этого термина могло выступать лишь как частный случай более общего значения благополучия.

Источником здоровья для всего коллектива в первобытном сознании считался его предводитель. Так, грамота № 852 (1120-е – 1140-е гг.) обещает народу: «... А если князь будет здоров и благополучен, то и о вас позаботится» (Зализняк А.А., с. 325).

В том же ряду этикетного, ритуального пожелания здоровья при обращении к кому-либо находится берестяной неологизм, не имеющий параллелей в других древнерусских текстах. Зато это выражение точно соответствует латинскому выражению «*Salutem*» — «Будь здоров!» Грамота

№ 849 (середины XII в.) начинается обращением: «Целым (желает быть) Петр Демше...» (Зализняк А.А., с. 318) (от церковно-славянского выражения цѣлы — «исцеление», «спасение»).

Типичный образец народного понимания психологии содержит редкостная по содержанию грамота № 521 (вторая половина XV – первая половина XVI вв.). Она содержит несколько разных записей на большом берестяном листе, одна из которых представляет собой любовный заговор: «... Так пусть разгорится сердце твоё и тело твоё и душа твоя [страстью] ко мне и телу моему и к лицу моему» (Зализняк А.А., с. 655). По предположению публикаторов документа, вероятно, новгородцы включали такого рода заклинания в любовные письма (а таких среди берестяных грамот содержится несколько). Любопытно отметить, что эта береста послужила оберткой двух других документов, один из которых — подробное и оформленное по всем правилам завещание некоего Моисея. Выходит, что, распределяя свои обширные земельные владения между многочисленными детьми, этот новгородец вместе с тем озабочен любовными делами...

Другой, уже собственно медицинский заговор обнаруживается, как ни странно, среди грамот церковного характера, написанных по-церковнославянски. Это грамота № 715 (около середины XIII в.), содержащая заговор против лихорадки: «Тридевятъ ангелов, тридевятъ архангелов, избавьте (буквально: избавь) раба Божия Михея (от) трясовицы (трясучки) молитвами святой Богородицы» (Зализняк А.А., с. 522). Археологи полагают, что эта береста относилась к так называемым наузам — амулетам, носимым (навязанным) на теле больного, либо ради профилактики заболевания. Этот, в общем церковнославянский текст содержит вкрапления обычного древнерусского языка, поэтому писавший ее человек вряд ли был вполне образованным церковным чином. Не исключено, что заклинание писал не сам больной Михей, а кто-то из церковной среды по его заказу.

Ещё одно лечебное заклинание сохранилось на грамоте № 734 рубежа XII–XIII: «Сихаил сихаил сихаил аньгль аньгль аньгль гиднь гь има аньггла» (Зализняк А.А., с. 347). Перед нами типичный для Средневековья медицинский заговор против лихорадок. Упомянутый Сихаил — ангел (или архангел), «отвечающий» за исцеление от лихорадочного состояния организма. Типичен для медицинского колдовства трехкратный повтор заклинательной формулы.

А грамота № 930 (конца XIV в.) уместила целый текст так называемой «Сиситиевой молитвы» — известного и по письменным источникам в Средневековье заговора против лихорадки: «Святой Сиситий и Сихаил сидели на горах Синайских, смотря на море. И был шум с небес, велик и страшен. И увидел ангела, летящего с неба, — святого Сисития и Сихаила, носящего наручи (деталь воинского доспеха)

ледяные, а в руках держащего оружие пламенное. И тут взволновалось море, и вышли семь жён простоволосых, окаянные на вид; они были схвачены силой невидимого царя...» и т.д. (Зализняк А.А., с. 694). Здесь два персонажа библейской мифологии наивно отождествляются, видимо, для усиления противодействия лихорадочным заболеваниям, которых в народном сознании запечатлелось довольно много.

Н-2002, НИКИТИНСКИЙ, пл. 21 (7400-420), кв. 4, №13, ярус 4/Б . Гр. №930.

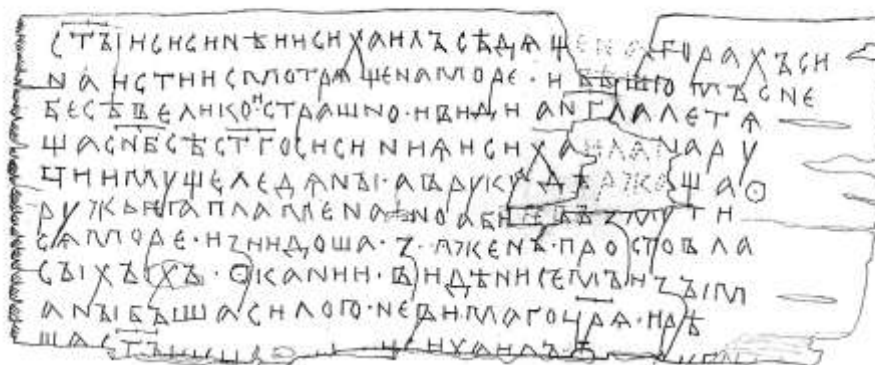

Рис. 1. Грамота № 930. Заговор-молитва против лихорадки.
Условная дата 1400–1410 гг.

№ 715

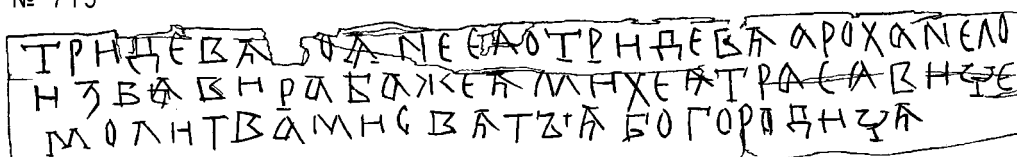

Рис. 2. Грамота № 715. Заговор-молитва против лихорадки.
Условная дата 1120–1240 гг. См.: <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=975>.

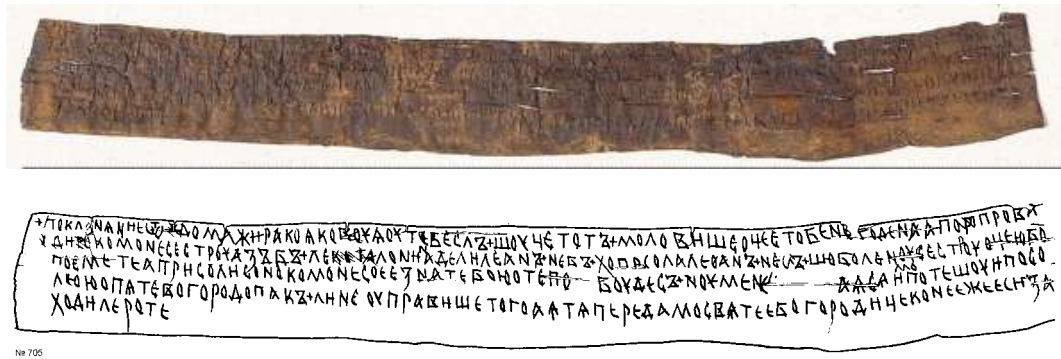

Рис. 3. Грамота № 705. Частное письмо
 (С требованием Домажира к мужу сестры в случае ее смерти прислать к нему ее сына. Условная дата 1200–1220 гг. См.: <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=975>).

О типичности медицинских заклинаний для средневекового сознания всей Европы свидетельствует береста № 753 — она содержит похожий на вышеописанные заговор, но на нижненемецком языке (Зализняк А.А., с. 20).

Упоминание больного человека содержится в грамоте № 705 (за первую половину XIII в.): «Поклон от Домажира к Якову. Я слышу, что ты говоришь (т.е. мне прочтено твое послание). Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году [её] наделил (то есть выделил ей в надел какое-то имущество), ... а теперь я слышу (= ты мне сообщил), что сестра больна. Если её Бог приберёт, то пришли сына ко мне с её «знатьбой», пусть он побудет у меня за сына, и я им утешусь, а потом отошлю её «знатьбу» обратно в город. Если же не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву» (Зализняк А.А., с. 422). Речь тут явно идёт о сестре автора письма Домажира. Яков, по всей видимости, её муж. Трудно сказать, почему Домажир не надеется на излечение сестры и спешит оговорить ситуацию после её предполагаемой кончины. То ли сообщение о болезни не оставляло сомнения в фатальности диагноза, то ли здесь проявляется характерное для древнерусского человека смирение перед волей Божьей. Точного перевода выражения «знатьба» историки дать не могут, но предполагают завещание. В целом тут лишний раз очевидно, как мало по сравнению с современной медициной наши предки могли влиять на исход своих болезней.

Грамота № 288 (за 10-е – 30-е гг. XIV в.) содержит список товаров, среди которых некоторые перекликаются по своему назначению с ассортиментом будущей аптечной торговли. «...Полотна 3 локтя..., золотник зеленого шелка, другой [золотник] красного, третий — желто-зеленого, золотник белил для отбелики, «бургальского» мыла на отделку, а ещё на одну отбелку ...» (тут текст обрывается) (Зализняк А.А., с. 541). Перед нами явно перечень ингредиентов, нужных для изготовления тканей. Определение «бургальское» непонятно историкам. Предполагаются такие переводы, как «булгарское» (из Волжской Булгарии); «городской» (от германского слова «бург» — город). Как бы там ни было, упомянутый

сорт мыла явно импортный для Новгорода. Это значит, что многие продукты для личной гигиены и врачевания недомоганий наши предки ввозили из-за рубежа. Недаром медицинские заговоры среди берестяной почты обнаружены и на немецком языке, и написанный с помощью скандинавских рун.

В маленькой, состоящей из трёх слов грамоте № 378 (60-е – 70-е гг. XIII в.) упоминается «ведун» (Зализняк А.А., с. 519). Ведущий специалист по переводу берестяной почты академик А.А. Зализняк допускает здесь возможность как имени собственного (имя или прозвище «Ведун»), так и нарицательное (ведун в смысле знахарь, колдун).

Одна из последних по времени находки и довольно ранняя по времени составления (второй половины XII в.), за № 954 грамота, не вошедшая в свод А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект», сообщает о том позоре, который навлекли в глазах жителей всего города на один из его кварталов — Людин конец действия одного из его жителей. Этот последний, именем Шильник, якобы «пошибает» чужих свиней и лошадей (<http://gramoty.ru/index.php?no=954&act=full&key=bb>). Филологи переводят этот термин как сглаз, наведение порчи. Таким образом, медицинская по содержанию магия в глазах наших предков могла быть не только «белой», но и «чёрной».

Ещё одна из новонайденных (в 2006 г.) записей находилась на днище хозяйственного короба и должна была защитить его содержимое от покушений: дескать, не трогай короба и не пытайся его украсть, а то проклянута!

Как видно из чудом дошедших до нас отрывков живой речи древних новгородцев и их деловых партнёров из других городов, тематика здоровья и болезней в их повседневной жизни занимала обычное для средневекового социума место. Берестяная почта подтверждает и в чём-то дополняет сведения письменных источников того времени о болезнях и борьбе с ними в условиях доиндустриального общества и соответственного ему сознания его членов. Сравнение с медицинскими пластами менталитета современных россиян демонстрирует нам степень их архаичности.

Литература

Минасян Р.С. Железные ножи с волотообразным навершием // Проблемы археологии. II. - Сб. статей в память проф. М.И. Артамонова. Л.: 1978.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. - М., 1965. - 305 с.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. - М., 1972. - 156 с.

Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. - М., 2005. - 320 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995–2003 гг. - М., 2004.

Savelev S. P.

"HOPE TO GOD AND TO YOUR STRENGTH": MEDICAL SEMANTICS OF ARCHAEOLOGICAL FINDS

Kursk State Medical University

Abstract. The paper presents a new and extremely bright source for the reconstruction of medical and pharmaceutical practices of the Eastern Slavs before and during the existence of the Old Russian state (IX-XIV centuries). Particular attention is given to a sample of medical vocabulary of birch-bark scrolls

— a unique source of knowledge about life of ancient Russia. The collected material will adorn a course in history of medicine for future physicians and pharmacists.

Keywords: history of medicine and pharmacy, archeology, birch bark manuscripts, traditional medicine of the Eastern Slavs in the period of ancient Russia.

References:

1. Minasyan R.S. knives with Iron volute topping // Problems of archaeology. II. - Sat. articles in memory of Professor M. I. Artamonov. L.: 1978.
2. Rokhlin, D.G. Diseases of ancient people. - M., 1965. - 305 p.
3. Konduktorova T.S. Anthropology of the ancient population of Ukraine.- M., 1972.-156 p.
4. Buzhilova A.P. Homo sapiens: the history of the disease.- M., 2005. - 320 p.
5. Zaliznyak A.A. Old Novgorod dialect. 2-e Izd., revised subject to the findings 1995-2003. - M., 2004.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Сведения об авторах: С.П. Щавелёв - Доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Курского государственного медицинского университета, e-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru.